

Книги Романа Злотникова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**СОБОР
РУССКИЕ СКАЗКИ
ЭЛИТА ЭЛИТ**

Цикл
«БЕРСЕРКЕР»

**МЯТЕЖ НА ОКРАИНЕ ГАЛАКТИКИ
БОЙЦЫ С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ
ПРИНЦЕССА С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ**

Цикл
«ГРОН»

**ОБРЕЧЕННЫЙ НА БОЙ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР
ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ**

Цикл
«ВЕЧНЫЙ»

**ШПАГИ НАД ЗВЕЗДАМИ
ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕЛАА
И ПРИШЕЛ МНОГОЛИКИЙ...
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД**

Цикл
«ИМПЕРИЯ»

**ВИВАТ ИМПЕРАТОР!
АРМАГЕДДОН**

Цикл
«АРВЕНДЕЙЛ»

**АРВЕНДЕЙЛ
ГЕРЦОГ АРВЕНДЕЙЛ
АРВЕНДЕЙЛ. ИМПЕРАТОР ЛЮДЕЙ**

В соавторстве
с Александром Воробьевым

РОНИН

В соавторстве
с Антоном Красновым

**ЛЕННАР. СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ
ЛЕННАР. КНИГА БЕЗДН
ЛЕННАР. ПСЕВДОНИМ БОГА
ЛЕННАР. ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ**

В соавторстве
с Олегом Маркеловым

КРЫЛО АНГЕЛА

В соавторстве
с Сергеем Мусанифом

**ВСЕЛЕННАЯ НЕУДАЧНИКОВ
МАНЕВРЫ НЕУДАЧНИКОВ
ШАНС ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ
(в двух томах)**

В соавторстве
с Антоном Корниловым

Цикл
«РЫЦАРИ ПОРОГА»

**ПУТЬ К ПОРОГУ
БРАТСТВО ПОРОГА
ВРЕМЯ ТВАРИ
(в двух томах)
ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ
(в двух томах)**

В соавторстве
с Даниилом Калининым

**РОГОРА. ДОРОГОЙ ВОССТАНИЯ
РОГОРА. ПЛАМЯ ВОЙНЫ
РОГОРА. ЯРОСТЬ ОБРЕЧЕННЫХ
ТАМАТАРХА. НА СЛУЖБЕ У ИЗГОЯ
ТАМАТАРХА. В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ
ТАМАТАРХА. КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ**

ПРОЛОГ

*Декабрь 1068 г. от Рождества Христова
Грузия, Джавахети¹*. Долина реки Куры*

Порыв ветра швырнул в лицо мелкую ледяную морось, больно впившуюся в кожу сотней крохотных осколков. Прикрыв глаза рукой, я сделал шаг — и нога тут же соскользнула с камня. Едва бы мне удалось сохранить равновесие, хоть я и замахал руками, словно ветряная мельница крыльями.

— Зараза!

От падения меня спас идущий сзади Добран, телохранитель-варяг из племени ободритов, вот уже около трех лет верно служащий Ростиславу. Его крепкая рука обхватила мой корпус, не дав опрокинуться на петляющую в скалах тропу.

— Спасибо!

Воин лишь кивнул в ответ, взглядом указав на спуск. Ну конечно, время терять нельзя, необходимо продолжать движение. Очередной шаг — и порыв ветра вновь срывает с земли ледяную пыльцу, швырнув ее прямо в глаза.

Ненавижу горы...

Но, несмотря на все мое недовольство, вид на долину реки Куры завораживает даже сейчас — когда свинцовые тучи практически легли на скалы, закрыв небо, а окружающий со всех сторон голый серый камень едва припо-

* См. Глоссарий в конце книги.

рошен снегом. Наверное, летом, когда распускается зелень, а ласковое солнце щедро заливает долину, здесь сказочно красиво. Но и сейчас величественная, недоступная человеку мощь и древность гор, скрытых впереди снежной дымкой, да вид пробившейся сквозь их несокрушимую стену реки заставляет сердце забиться чаще.

Долина не слишком широка — едва ли достигает версты на всей своей протяженности. Она извивается следом за руслом Куры между стиснувшими ее каменными пиками, лишь у самого подножия становящимися относительно пологими. Да, от открывшейся после долгого блуждания по узким, зажатым скалами тропам картины захватывает дух — и в то же время кажется, что человеку здесь не место. Недоступно могучими кажутся горы, что видели сотни людских поколений до сего дня и еще сотни увидят после. Недоступно могучими, недоступно старыми, недоступно мудрыми...

Однако сегодня людей здесь много, даже очень много. Мой взгляд скользнул вниз и вперед, туда, где за белесой пеленой все еще угадывается хвост сельджукского войска. Несколько часов мы мерзли среди камней, ожидая появления врага, и продолжили ожидание после, пока он не удалится на почтительное расстояние — только тогда мы сами пришли в движение. Еще не меньше часа уйдет на то, чтобы фаланга построилась и смогла начать преследование сельджуков, до поры до времени оставаясь для них незаметной.

Попеременно напрягая мышцы рук, ног и пресса, я стараюсь согреться, разогнать кровь по сосудам, осторожно ступая меж камнями в ногу за старым грузином-проводником. Вот он-то как раз с легкостью преодолевает спуск, в отличие от меня! Но как бы ни было тяжело идти вниз, голова-то остается свободной, и мои мысли произвольно унеслись назад — в день, когда решалась судьба предстоящей битвы.

Чадит и потрескивает пламя факелов, дающих слабый, мерцающий свет в походном царском шатре. Но его впол-

не хватает, чтобы разглядеть севаста² Баграта — высокие тонкие брови, большие серые глаза, в которых читается ум и немалая воля и вместе с тем давящая усталость от непомерного бремени власти. Узкий длинный нос, щегольские ниточки еще абсолютно черных усиков и уже осеребрившаяся сединой аккуратная борода, окаймляющая лицо грузинского правителя. В этом году ему исполнилось пятьдесят лет — по моим меркам, даже не начало увядания, но для одиннадцатого века уже весьма преклонный возраст.

Рядом с Багратом практически навтыжку стоит четырнадцатилетний юноша — его сын Георгий. Высокий и стройный молодой человек очень похож на своего отца чертами лица — можно сказать, что, смотря на него, я вижу молодого царя. Наследник грузинского престола немного волнуется, присутствуя на военном совете старших командиров, и это бросается в глаза. Но в то же время отец совершенно правильно делает, привлекая сына как к управлению дружинами дворян-азнаури и ополчением, так и обсуждению планов столь серьезной, скорее даже судьбоносной битвы.

Сула Калмахели, носящий титул эриставта-эристави, то есть первого среди эристави — высшей грузинской знати — возвышается слева от царя. Уже немолодой сподвижник севаста в свое время поддержал Баграта в его тяжелой гражданской войне с прежним эриставтом-эриставом, Липаритом Багваши. К слову, героем войны с византийцами и арабами, организатором двух осад Тбилиси, занятого мусульманами. Каждая из них имела полные шансы на успех, но обе обернулись для грузин поражениями исключительно из-за интриг против Багваши. Увы, придворной клике удалось рассорить Баграта и Липарита, после чего несколько лет кипела внутренняя брань, значительно ослабившая страну. И ведь царь не раз терпел поражение в битвах, а победить бывшего сподвижника в военном противостоянии вовсе не сумел! Багваши пленил повторно восставший против него Сула — сам ко-

гда-то побывавший в плену у Липарита. И вот теперь уже скорее пожилой по местным меркам, но все еще крепкий душой и телом полководец руководит войском вместе с государем, порой оттесняя его на вторые роли. Внешне Калмахели напоминает мне старого льва густой копной рыжеватых волос, ниспадающих на плечи, отросшей до шеи бородой, также рыжей с проседью и сверху закрывшей щеки, да гулким, сильным голосом могучего мужа.

Помимо трех грузин на совете присутствую я, а также мой переводчик, и Кордар, командир аланского корпуса, отправленного Дургулелем на помощь родственнику. Ясский воевода словно брат похож на моего старого знакомого Артара и чертами лица, и истинно звериной грацией. Чуть выше среднего роста, тонкий в поясе и широкий в плечах Кордар обладает двумя выдающимися достоинствами настоящего полководца. Он тщательно продумывает каждый свой шаг, каждое свое слово, не стесняясь спросить при случае совета и не чинясь выслушать мнение даже простого воина, и в то же время, приняв решение, он действует решительно и быстро.

Первым заговорил Сула:

— Не иначе Господь услышал наши молитвы, раз направил мусульман к нам навстречу! В узкой долине они лишатся преимущества своей многочисленной конницы!

Толмач приглушенно затараторил перевод сказанного мне на ухо. Баграт же лишь слегка склонил голову в ответ на слова эристава и обратился к сыну:

— Учись, Георгий, запоминай слабые и сильные стороны наших врагов. Пришедшие с востока агаряне³ практически все поголовно всадники, они умело правят лошадьми и очень быстро, точно стреляют из луков. Их воины защищены слабым кожаным доспехом, поэтому они не стремятся сойтись с противником в сече. Нет, они предпочитают держаться на расстоянии, засыпая врага стрелами, забирая жизни его воинов, а заодно утомляя его и расстраивая ряды. Они любят обходить войско противника на крыльях, заходить сзади, окружать. Кроме того,

агаряне очень хитры, любят использовать засады, внезапные нападения, а коли дело все же доходит до сечи — рубятся яростно и умело.

Дождавшись короткой паузы, Сула дополнил речь государя:

— Однако помимо легких всадников-стрелков наш враг использует в бою также воинов-рабов, гулямов. Лучшие из лучших образуют тяжелую конницу, остальных же собирают в отряды копейщиков-пешцев.

— Верно! — чуть резковато, с едва заметным неудовольствием в голосе согласился Баграт с Калмахели и вновь обратился к Георгию: — Как ты считаешь, как бы действовали мусульмане, выйди мы к Ахалкалаки?⁴

Юноша заговорил чуть быстрее, чем следовало, выдав охватившее его волнение. В то же время все, что он сказал, было вполне разумно:

— Плоскогорье вокруг крепости позволило бы им развернуть войско и вести непрекращающийся обстрел наших людей, постоянно кружа вокруг. Они не дали бы приблизиться к себе, пока сами не решились бы на атаку. Но этому суждено было бы случиться лишь после того, как агаряне измотали бы и обескровили дружины азнаури и ополченцев-шубосани.

Уголки губ царя дрогнули, на мгновение явив нам довольную улыбку. Но уже секунду спустя ее тень пропала с лица севаста, и он продолжил задавать сыну вопросы:

— Скажи, а как, ты считаешь, они теперь будут действовать?

Георгий осторожно ответил:

— Думаю, что агаряне начнут с обстрела лучников и постараются держаться на расстоянии от наших воинов. Но в узкой долине они будут уязвимы.

— И почему?

— Если мы ударим тяжелой конницей, они не успеют своевременно отступить, слишком мало пространства для разворота и бегства. Тем более войско мусульман не уступает числом нашей армии, а значит, колонна их значи-

тельно растянется, и в хвосте ее не будет известно о происходящем в голове.

В этот раз Баграт победно улыбнулся, уже не скрывая гордости за не по годам сообразительного сына, но тут в разговор вмешался я — естественно, через переводчика:

— Если даже юноша, пусть и царских кровей, понимает уязвимость врага в узкой долине, разделенной пополам рекой, тогда почему же султан решил выйти нам навстречу? И почему не повернул войска вспять, не поспешил на плоскогорье, узнав о приближении грузинской рати? При всем уважении и восхищении молодым царевичем я не думаю, что Алп-Арслан глупее его.

Улыбка сошла с лица севаста, но ответил мне эристави:

— Засады там быть не может. Агаряне не знают наших гор, не знают обходных троп, а склоны их слишком круты, чтобы во множестве поднять наверх лучников или попытаться скинуть камни. Нет, мусульмане уже не раз принимали бой в теснине долин, а ошибиться, поверив в собственную непобедимость, может любой военачальник.

Едва замолчал Сула, как заговорил Баграт:

— Агаряне не знают обходных троп, зато их знаем мы. И у нас появился шанс не просто победить, но целиком истребить их войско! Если верно определить темп движения армии, мы можем выбрать и место битвы. А выбрав, вывести в тыл мусульман пешую рать, что запрет их в долине Куры. Наши лучшие всадники станут молотом, сокрушившим врага, а пешцы превратятся в наковальню!

Недоброе предчувствие зашевелилось в моей груди. Взглянув царю в глаза, я прямо спросил:

— И кого же вы видите в качестве «наковальни»?

Севаст коротко улыбнулся, выслушав перевод толмача.

— Того, кто лучше всех сумеет ею послужить. Мы думали о наших копейщиках, но шубосани лишь плохо обученные ополченцы, они могут и не выдержать напора прорывающихся агарян. А вот о ратном мастерстве вои-

нов Тамтаракая, победивших в бою грозного вождя касогов, слышали даже у нас.

Не удержавшись, я бросил короткий злой взгляд на Кордара. Думается мне, что грузины узнали о боевых качествах моей фаланги именно от него. Впрочем, на месте Баграта я бы тоже старался беречь собственное войско и использовать на самом горячем направлении союзников или наемников — если, конечно, они смогли бы справиться с задачей. Мои стратиоты справятся... Наверное.

— Двадцать тысяч против четырех. Пускай даже десять, кто в панике развернется и бросит коней назад, на наши копыта. Может, мы и послужим «наковальной» лучше прочих, но все же мои воины не металл, а живые люди. Их будут колоть копьями, рубить саблями, в них будут метать дротики и стрелы, топтать копытами лошадей. Они примут на щиты напор едва ли не всего войска Алп-Арслана! Между тем умирать им придется на чужой земле и за чужого царя, а значит, их боевой дух будет слаб, а душа станет метаться. И тут даже ратное мастерство может не помочь...

Эристави коротко хохотнул и заговорил с нагловатой умылкой — будто прожженный, умудренный жизнью купец:

— Двойная добыча твоим людям, воевода.

Коротко хохотнув ему в тон, я парировал в той же манере:

— Тройная, и долю выделите и на павших в бою.

Улыбку будто стерло с лица Калмахели.

— Мы не на торгу. Двойную добычу получают всадники из дружин азнаури, а ведь именно им начинать бой вместе с аланскими алдарами. Твоих воинов уравниют со знатью!

Я веско бросил:

— Моих воинов отправляют на смерть. Если вашей тяжелой коннице удастся опрокинуть рать султана, то она всей мощью навалится на нас. А ведь у Алп-Арслана есть и тяжелая конница! Так что положите двойную добычу

каждому моему воину, также и павшим, и мы будем брать свою долю первыми. Кроме того, — обратился я к царю, с несколько скучающим видом прислушивающемуся к перепалке, — государь заключит мирный и торговый договор с царем Ростиславом, а также выдаст одну из внучек замуж за его среднего сына Володаря.

Выслушав перевод, Баграт в очередной раз обозначил улыбку краем губ, после чего обратился к Георгию:

— Сын! Учись заключать договоры у воеводы русичей, он умеет добиться своего.

И вот теперь мой корпус — так я назвал доверенные мне четыре тысячи стратиотов-греков и лучников-русов — совершил по горным тропам три очень непростых перехода и вышел в тыл сельджукскому войску, оставаясь незамеченным для врага. Несмотря на незавидную роль, отведенную моим людям, в душе я искренне рад происходящему — ведь план окружить турецкую рать, зажав ее меж скалами и стремительной горной рекой, на самом деле просто отменный! Только подумать, в случае успеха я уберу с шахматной доски истории сильнейшую фигуру противника — султана Алп-Арслана, отважного льва ислама! Покорителя Армении, сокрушителя Грузии, первого завоевателя азиатских земель Византии... Уничтожив его рать, я однозначно подарю ромеям дополнительное время к существованию и, быть может, позволю укрепиться на византийском престоле династии Диогена. Но главное — я вычеркну со скрижалей крестоносцев и их ордена!

Лишь бы все удалось в битве...

Впрочем, вид неспешно, но четко строящейся между рекой и скалами фаланги вселяет в сердце спокойствие и уверенность в победе. Пять сотен закованных в ламеллярные панцири менавитов, защищенных также остроконечными шлемами с личинами и бармицами, составляют первый ряд. При атаке вражеской конницы они встанут на колени, уткнув копейные древки заостренными подто-

ками в землю, и нацелят свои короткие, но прочные и массивные менавлы в грудь и под брюха жеребцов противника. Учитывая исключительную длину копейных наконечников — до полуметра — и значительную ширину, при таране животные первых атакующих рядов погибают практически поголовно.

Следующие два ряда воинов — их по образцу тяжелой византийской пехоты я назвал skutатами — перед столкновением держат оружие на уровне живота и груди соответственно. Для этого в их каплевидных щитах-скутонах справа выточены две специальные прорези под диаметр древков, чтобы было легче держать оружие одной рукой. Вооружены они стандартными для византийской армии копьями-контарионами, только длина их у второго ряда составляет два метра, а у третьего три. Эти бойцы также хорошо защищены кольчугами или греческими чешуйчатыми панцирями.

Четвертый ряд — это мои бердышники. Иноземный термин «алебарда» я вводить не стал, хотя вооружил воинов именно алебардами, чье основное отличие от тех же бердышей заключается в наличии копейного наконечника и большей длине древка. А поскольку воины всех последующих шеренг держат в бою оружие обеими руками, они защищены небольшими круглыми щитами по типу древнемакедонских асписов, которые, как и их предок, полностью надеваются на левое предплечье.

Следующие два ряда заимствованы мной у македонской фаланги (впрочем, существовали они и позже, в составе швейцарской баталии). Их воины вооружены пятиметровыми и шестиметровыми копьями с длинными, узкими, нередко гранеными наконечниками от тех же контарионов. Фактически это настоящие пики. Раньше я думал, что в них нет нужды, до появления стальных рыцарских кирас. И сильно удивился, узнав, что ламеллярные панцири, именуемые также пластинчатой броней, или броней дощатой, выдерживают таранный копейный удар, и пробить их могут только контарионы.

При этом бойцы пятой и шестой шеренг держат пики обеими руками, перекинув его на левую сторону — так чтобы при отражении вражеской атаки они не сталкивались с копьями первых рядов. Защитой им служат лишь стеганки, в лучшем случае укрепленные стальными пластинами напротив сердца и живота.

А седьмой и восьмой ряды составляют лучники с ростовыми «английскими» луками. В итоге моя восьмирядная фаланга с шеренгами по пятьсот воинов в каждой достигает в ширину около четырехсот метров и идеально вместилась между рекой и скалами, пробкой закрыв сельджукам путь к отступлению. Вроде бы все готово...

Сердце забилось чуть чаще, и внезапно охватившее меня волнение позволило наконец согреться. Еще раз осмотрев абсолютно ровные, как на параде, шеренги ведомой мной рати, я негромко произнес:

— Вперед.

Греческие горнисты коротко продублировали мою команду, и монолитный строй фаланги сделал первый шаг, а потом еще и еще, медленно, но неотвратимо следуя за врагом. И глядя, как четко сохраняют равнение в шеренгах мои молодцы, как блестят начищенные панцири менавитов, я подумал, что сравнение моего корпуса с наковальней совсем неуместно, ибо мои воины сами есть молот, чей удар сокрушит сельджуков!

По плану битвы, обговоренному Багратом, Сулой и Кордаром, впереди объединенного грузино-аланского войска должен следовать отряд легких армянских всадников. Именно лучники начнут бой, вступив в перестрелку с сельджуками, они же замаскируют клин тяжелых всадников. Предельно сблизившись с врагом, армяне должны до последнего метать стрелы, а после по команде они галопом разойдутся на фланги, пропуская вперед разогнавшихся катафрактов.

Дружины аланской знати, алдаров, так же как и дружины грузинских феодалов азнаури, во многом похожи и тактикой ведения боя, и вооружением, и броней. И те и

другие веками соседствовали с Византией, в прошлом сражались с арабами и сумели создать мощную тяжелую кавалерию по типу ромейской ударной конницы. Правда, у союзников не слишком много наездников — армянский отряд насчитывает всего тысячу человек, три тысячи привел с собой Кордар. И пусть это заслуженные, искушенные воины, в число которых включили и добровольцев, воевавших со мной против половцев, я ожидал значительно большего подкрепления от Дургулея. Но хитрый музтазхир подставил под удар нас, воспользовавшись обещанием, данным под давлением обстоятельств. Уже позже, следуя вместе с ясами в Грузию, я узнал от Кордара, что цифра в пятьдесят тысяч воинов Аланского царства весьма завышена. Говорить о ней уместно лишь в том случае, если каждого боеспособного мужчину от мала до велика посадить в седло и каждому дать оружие. Впрочем, согласно древней сарматской традиции воином является каждый муж, и ратному искусству мальчиков обучают с младых ногтей. Но все же пятьдесят тысяч ратников никогда не собиралось под знаменами Дургулея, в самые лучшие годы он мог выдвинуть в поход порядка тридцати, но на деле брал с собой от пятнадцати до двадцати тысяч воинов. И уже эта армия была весьма великой по местным меркам! На этом фоне цифра в три тысячи катафрактов кажется уже и не столь незначительной, учитывая, что численность дружин азнаури примерно равна им. Кроме того, в составе грузинского войска следует до девяти тысяч пешцев, в основном копейщиков-шубосани, где-то четвертую часть пехоты составляют лучники. Особняком держится тысячный отряд воинственных сванов — личный резерв Баграта.

Так вот, по плану битвы удар закованных в броню катафрактов, взявших разгон, по мнению всех без исключения участников военного совета, должен протаранить массу турецких всадников. Последние подадутся назад, причем наверняка в панике, и деваться им будет некуда — слева быстротечная горная река, справа скалы. Только на-

зад, на ряды собственной тяжелой конницы и пехоты, сминая ее! И даже если гулямы не отступят, то порядка и строя точно не сохранят и потому не смогут отразить атаки союзников. Да и не может быть их число слишком велико, вся сельджукская рать не превышает двадцати тысяч воинов, а основа ее — это именно легкие всадники.

Впрочем, отдельно обговаривались действия на случай, если сельджуки выдвинут вперед тяжелую конницу и если враг поставит в голове пехоту. В первом варианте предполагалось ничего не менять и под прикрытием армянских лучников, засыпавших гулямов стрелами, бросить в бой тяжелую конницу. Враг не успеет взять встречный разгон и контратаковать на равных, а значит, ударный клин союзников развалит строй рабов.

А вот терять драгоценных дружинников на копьях пехоты совет посчитал чересчур расточительным, и в случае, если впереди окажутся гулямы-пешцы, Сула предложил бросить в бой всех грузинских лучников. Потери копейщиков под ливнем стрел или расстроят их ряды, сделав легкой добычей для катафрактов, или спровоцируют сельджуков выдвинуть вперед своих легких всадников. И тогда в жизнь будет так или иначе воплощен изначальный план.

В свою очередь, моя фаланга должна медленно приблизиться к вражескому войску с хвоста, но держаться на расстоянии и не ввязываться в битву до того момента, пока турецкие конные стрелки не бросятся спасаться бегством, опрокинутые тараном горских рыцарей. В противном случае мы можем спровоцировать на себя атаку хассгулямов, бронированной конницы рабов, а этого не хочет никто в моей рати, и я больше всех. Даже если удержимся — а ведь должны! — то потери будут слишком велики.

И вот, как кажется, первая стадия нашего плана успешно воплощена в жизнь: после пары часов марша мы незаметно вышли в тыл врагу, а ветер, гоняющий с камней снег, скрывает нас белой дымкой. Хотя на расстоянии в полверсты уже различим виднеющийся вдали хвост

сельджукской армии. А еще впереди уже послышался гул разгорающейся битвы — и я остановил фалангу. Сразу после команды «стой» из задних рядов протолкнулись командиры стрелков и бросились вперед, отсчитывая шаги и волоча на плече три столбика с полосами ткани, которыми они должны отметить дистанции в сто, двести и триста шагов.

Потянулись томительные минуты ожидания, когда от нас ничего не зависит. Не знаю, как для других, но для меня эти мгновения самые тяжелые. Что такое война для солдата испокон веков? Битвы, дозоры, стычки, нападения из засад — все это, по сути, лишь короткие мгновения между бесконечными маршами, не важно, пешими или конными, да вечными мечтами о привале и горячей каше.

Но битвы, подобные той, что произойдет сегодня, что уже началась, есть кульминация всех наших тягот и невзгод, конечный результат того, ради чего мы прошагали сотни верст, мерзли у костров в горах, ежедневно жрали опостылевшую всем без исключения кашу да черствый хлеб. Эта битва втянет в себя тысячи судеб, тысячи надежд, тысячи устремлений — после кого-то она отпустит, может, даже окрылит, но большую часть перемелет, сломает, разорвет, скрутит... И мечты, и жизни. Это очень сильно пугает каждого из нас — достаточно один раз посмотреть на лица взволнованных воинов, на их посуровевшие, устремленные вперед напряженные взгляды, чтобы все понять. И в этом отношении я несколько не отличаюсь от прочих воев, гибель здесь означает для меня смерть — конечную и неотвратимую во всех смыслах.

Потому-то ждать и трудно, и страшно, слишком тяжелые думы лезут в голову. Начнется бой, они отступят, сменившись горячей схваткой, в которой мне придется руководить воинами. Но сейчас это бесконечное ожидание, и мысли терзают душу, нестерпимо жгут ее изнутри, а в голове звучат лишь два слова: «Скорее бы»...

И словно в ответ на мою безмолвную мольбу ряды вражеской конницы заколыхались, задрожали, и всадники в хвосте сельджукской рати принялись разворачивать лошадей.

Началось!

— Приготовиться к схватке, копыта склонить! По команде сомкнуть щиты!

Мои слова подхватили тысяцкие, за ними сотники и десятники, и тихие, вполголоса команды зашелестели по строю фаланги, словно листва на ветру. Тем временем сельджуки уже набирали скорость — видно, крепко прижали их катафракты союзников!

— Лучники, приготовиться к стрельбе по сигналу!

Всадники врага наконец-то заметили преградивший им путь монолитный строй фаланги. Истерично заревели боевые рога в ближних к нам рядах, что-то яростное завопили воины — но не свернули и не замедлили шаг, а лишь разогнались. Я напряженно смотрел на отметины, оставленные в трехстах шагах от восьмого ряда моих стрелков, к которым стремительно приближались турки...

— Бей!!!

Взвыли греческие горны, и тут же в небо взлетели тысячи стрел, неотвратимо устремившихся в сторону врага.

Раз, два, три, четыре...

Я не успел произнести про себя «четыре», как стрелы врезались в сельджуков, выбивая их из седел, ранив широкими наконечниками-срезнями людей и животных. А между тем в воздух взлетел новый рой оперенной смерти! Над долиной поднялся дикий вой покалеченных, а на уровне выставленных впереди отметин — сломанных древков, воткнутых между камней, — в одно мгновение образовалась куча-мала из поверженных лошадей и всадников и врезавшихся в них с разбега верховых, также полетевших на камни.

Но турки атаковали не плотной колонной, а разреженной толпой, потому первый залп моих лучников хоть и нанес им ощутимые потери, но не смог полностью оста-

новить. Сзади резко зазвучали команды тысяцких и сотников, забравшихся на камни на более пологих склонах (на такой же поднялись и мы с горнистом) и корректирующих стрельбу. Один за другим два залпа накрыли стремительно приближающегося врага, алчно забирая жизни сельджуков. Последние молчали все это время — пока расстояние до строя фаланги не сократилось примерно до полтораста шагов.

И тут в небо взмыл ответный рой стрел.

— Щиты!!!

Тревожно заиграл горн — и тут же оборвался: горнист упал на камни с пробитым стрелой горлом. Я успел закрыться широким щитом, как только подал команду — и сердце кольнуло запоздалое сожаление о молодом парне из Корсуни Романе, у которого дома остались мать с отцом и младшей сестрой и возлюбленная, обещавшая дожидаться его из похода. Кольнуло — и тут же отпустило, когда щит тряхнуло от трех попаданий сразу!

Сердце гулко забухало от осознания собственной уязвимости — как ни закрывайся, все стрелы на щит не принять. Необходимо спуститься вниз, укрыться в надежном нутре «черепахи»! Воины составили ее, сложив защиту над головами так, чтобы края щитов накладывались друг на друга. Вот только плевое расстояние — всего тройка метров по склону, да метр до строя фаланги — преодолеть теперь практически невозможно: выйдя на дистанцию эффективного поражения, сельджуки отправили в воздух шквал стрел. Если мои лучники пускают всего один снаряд в пять секунд, то всадники врага, как кажется, успевают выстрелить дважды в секунду, и это на скаку!

Еще одна стрела ударила в щит, вторая звонко врезалась острием в камень за спиной, опереньем едва не зацепив мою щеку, а третья пробороздила кожу сапога на правой ноге. Острая, жгучая боль подстегнула меня, позволив на мгновение позабыть о страхе.

— А-а-а!

С криком выпустив из себя страх, я резво скакнул со скалы к воинам, преодолев разделяющие нас метры одним могучим прыжком. Правда, приземлился не очень удачно: при столкновении с землей ступни соскользнули вперед, я потерял равновесие и жестко впечатался спиной в камень. От боли выбило дух. Но прежде, чем очередная стрела пришила бы меня к скале, Добран и его брат Дращко закрыли меня собственными щитами.

— Спасибо, братцы!

Вновь ответом мне были сосредоточенные кивки моих спасителей, весьма похожих как внешне, так и привычками.

Между тем сельджуки, явно не горя желанием насаживаться на копья, сумели затормозить лошадей у первого ряда щитов. Яростно крича, их воины принялись прицельно бить стрелами в просветы между скутонами, с силой, точно метать дротики. Другие же сосредоточили буквально сумасшедший обстрел на задних рядах фаланги, заметив, где расположились мои лучники, и не позволяя им даже носа показать из-под асписов. Высокий темп стрельбы быстро опустошал колчаны противника, но сельджуки умудрялись меняться, ни на мгновение не прекращая поливать моих ратников смертоносным дождем. И хотя стена щитов над головами моих воинов наводила теперь на мысли уже не о черепахе, а о дикобразе, часть смертоносных снарядов все же находила цель, пройдя крохотными просветами в защите. Мы несли потери, пусть и незначительные, но враг не нес их вовсе! И как-то не очень похожи их действия, их изматывающая, безусловно эффективная против фаланги тактика на паническое бегство удирающей, разбитой катафрактами толпы...

Но нет смысла задаваться вопросами, ответа на которые сейчас все равно не получишь. Теперь мы оказались перед выбором: или продолжать стоять под обстрелом сельджуков, ожидая, пока грузины и аланы наконец-то прижмут их к нашим копьям, или самим пойти вперед. С одной стороны, мы быстрее навяжем ближний бой стрелкам, с другой,

при движении потери могут возрасти. Но стойкое ощущение того, что у союзников что-то пошло не по плану, меня не оставляло, поэтому я выбрал второй вариант.

— Сотники, десятники! Передать по строю: приготовиться начать движение!

Теперь, когда рядом нет личного горниста, озвучивающего мои приказы условным звуком — их тут же подхватывали еще сорок сигнальщиков, по одному на каждую сотню, — команды приходится передавать по цепочке и ждать, пока они разойдутся по всей фаланге. Увы, других горнистов рядом нет, а заставить кого-то приблизиться ко мне значит сломать на месте его движения стену щитов, что сейчас неприемлемо. Наконец, прождав около минуты, я взревел:

— Пошли!!!

— Пошли!!!

— Хей!!!

Дождавшись, пока мой крик подхватят десятники, я точно уловил момент движения всей четырехтысячной массы людей, что был подобен разошедшемуся по рядам воинов разряду тока. Вместе с ними я сделал первый шаг под гулкий выдох ратников, испугавший отчаянно заржавших лошадей. Приблизившиеся вплотную к фаланге всадники испуганно шарахнулись назад, а зазевавшихся свалили точные удары пик воинов второго и третьего рядов — все это я увидел, на свой страх и риск приподняв щит и высунув голову в образовавшуюся щель. Впрочем, долго искушать судьбу я не стал, уже через пару секунд сомкнув края своего скутона с защитой братьев-варягов.

— Держать равнение, идти в ногу! Десятники, задать ритм!

И практически сразу по рядам фаланги разошлось гулкое:

— Левой... левой... левой...

Командиры специально делали паузу, задавая ритм, благодаря чему фаланга сохраняла практически идеальное равнение.

Мы прошли более пятисот шагов под непрекращающимся обстрелом сельджуков. Когда приходилось перешагивать через трупы людей и животных, сраженных нашими стрелами, ратники порой все же ломали стену щитов. Иногда турки успевали наказать воинов за подобную оплошность, но чаще всего греки закрывали прорехи в защите прежде, чем в них вошло с десятков стрел.

А после враг неожиданно отступил к эпицентру схватки, быстро и организованно — туда, откуда по плану битвы легкие конные стрелки должны были бежать! Впрочем, момент, когда они попытались оторваться, я не упустил, своевременно дав команду своим лучникам. Обозленные потерями и вынужденным бездействием, те успели дважды накрыть врага, пока он отступил более чем на триста шагов.

Но всадники противника не просто отступили — они прошли через заранее сделанные проходы в рядах собственной пехоты. После чего проходы сомкнулись, явив нам плотный строй гулямов-копейщиков, навскидку в три тысячи воинов.

Мое сердце сбилось с привычного ритма, ибо подозрение, что бой идет совсем не по нашему плану, переросло в уверенность. Видимо, не все ладно пошло с тараном у рыцарей Кавказа, видимо, плотно они завязли в рядах бронированных хасс-гулямов, сумевших контратаковать. Но это же означает и то, что бой не окончен и что нам необходимо продолжить движение, если мы хотим победить!

— Менавлиты, отступить назад! Приготовиться к атаке пещцев!

Как только стрелки врага отделились, я подозвал к себе одного из многочисленных горнистов, так что теперь мои команды дублировались бодрыми звуковыми сигналами. Между тем первая шеренга воинов заученно отступила через ряды соратников. Менавлиты могут еще пригодиться при атаке тяжелой конницы, а для отражения пехоты необходимо, чтобы алебардщики были именно в

третьем ряду — так они дотянутся топорами до голов пробившихся к первому ряду.

А гулямы бодро пошли вперед, не особенно стараясь сохранять строй и равнение шеренг. Причем с каждым шагом они ускорялись, видать, вскоре перейдут на бег. Поднять над головами средних размеров круглые щиты и вовсе никто не догадался.

Еще не знают, куда достают наши луки. Ну ничего, дураков учить надо.

Дождавшись, пока противник приблизится шагов на двести пятьдесят — все же определял навскидку, отметин-то нет, — я закричал во всю мощь легких:

— Лучники! Бей!!!

Вторя моим словам, заиграли горнисты, послышались команды десятников стрелков. Они вновь поднялись на пологие горные откосы, чтобы корректировать упреждение на ветер и дистанцию боя. Спустя мгновение рой оперенной смерти накрыл пехоту противника, и, хотя многие гулямы успели вскинуть щиты, потери они понесли немалые. Однако уже ко второму залпу рабы сбили «черепаху» и продолжили медленно, но верно сближаться с фалангой.

— Аллагу акбар!!!

Дружный клич, изданный тысячами глоток, сотряс долину, и, сблизившись на тридцать шагов, мусульманская пехота бросилась вперед. Но прежде, чем они достигли первой шеренги копейщиков, воины всей фаланги дружно ударили пиками! Синхронные уколы буквально сбили с ног первый ряд гулямов! Кто-то просто опрокинулся навзничь, защитившись щитом, а кто-то пал, пробитый сразу несколькими остриями.

— Шаг вперед!

Под звук горнов вся фаланга сделала один-единственный шаг — но сделала его разом, синхронно, навстречу врагу, и воины вновь резко выбросили руки вперед, пробивая копьями тела гулямов. Мусульмане на мгновение подались назад, но тут же, истошно взревев, бросились на

моих ратников, сиюсь до них дотянуться. В отличие от греческих стратиотов, бьющих по восходящей или параллельно земле, рабы чаще наносят удары сверху вниз, держа копыа обратным хватом. Таким образом, они все время остаются закрыты щитами, но моим воям нет нужды в подобных приемах благодаря прорезям в окантовке скутонов. А потому их удары выходят сильнее и достают врага на большей дистанции.

— Шаг вперед!

Очередное синхронное движение монолитной фаланги, очередной удар пик всех четырех шеренг вновь отбрасывает противника. И кажется, в яростных воплях гулямов уже явственно прорезались истеричные нотки! Гулямы пытаются исправить положение, метая копыа, словно дротики, и прорываясь к первой шеренге с саблями в руках. Но каждого стратиота, помимо собственного контариона, защищают еще три пики соратников, держащихся позади. А мусульман, сумевших все же проскочить между их смертоносными жалами, встречают молодецкие удары алебард третьей шеренги! Даже щиты далеко не всегда спасают от падающей сверху стали, а стальные шлемы и вовсе раскалываются вместе с черепами!

— Шаг вперед!

Исход поединка между отточившей мастерство на бесчисленных тренировках фаланги и сырого строя копейщиков, пусть и умеющих держать стену щитов, заранее предрешен. Как бы храбро ни сражались гулямы, в итоге их строй будет развален, а большинство воинов перебито. Если ничего не изменится...

Мое внимание отвлек раздавшийся сверху низкий, утробный рев боевого рога. Долина на этом участке идет на подъем, и на его вершине я разглядел всадника в богатом доспехе. Украшенный позолотой шлем, начищенный до зеркального блеска панцирь, шкура пардуса⁵, сброшенная на плечи, — мое сердце забилося сильнее, а рука непроизвольно сжала рукоять меча. Ведь позади гулямов встал сам предводитель сельджуков, Алп-Арслан! Моя до-

гадка только укрепилась, когда к нему подъехал знаменосец с синим стягом, на котором изображен белый двуглавый орел.

— Шаг вперед! Захватим султана!

Ответом мне был дружный выдох воинов, очередным ударом отбросивших гулямов еще на метр. Я же не спускал глаз с их лидера, остро сожалея о том, что он находится за пределами поражения лучников. Последние временно бездействуют, поскольку плотно сбившаяся пехота мусульман прижалась к фаланге, выйдя из зоны обстрела. А других целей и вовсе нет — хотя, если мы потесним гулямов еще шагов на пятьдесят, мои стрелки уже наверняка достанут султана, пока не знакомого с дальностью наших луков!

— Шаг вперед!

Вновь над схваткой разнесся низкий звук рога, отчасти напоминающий волчий вой, но более мелодичный, с какими-то традиционно восточными переливами. Повелительно вскинул руку с зажатой в ней булавой Алп-Арслан, направил ее в нашу сторону, а из-за подъема послышалось конское ржание. В следующее мгновение на его гребне показались всадники в остроконечных шлемах, украшенных сверху перьями, и, как и их лошади, облаченные в ламеллярные панцири. Вооружены они копьями и саблями, защищены щитами.

В очередной раз протрубил восточный рог, и конная масса тут же перевалила через гребень подъема, мгновенно переходя на галоп и на скаку перестраиваясь клином. Всего мгновение я неверяще смотрел на атаку хасс-гулямов, не понимая, как они смогут миновать строй собственной пехоты. Что же там случилось в голове армии сельджуков, откуда у них взялись резервы бронированной конницы?!

Но секунду спустя я сбросил предательскую оторопь, взревев:

— Менавиты, вперед, в первую шеренгу! Лучники, бей!

Разогнавшийся клин хасс-гулямов, насчитывающий человек пятьсот, уже вошел в зону поражения моих стрелков, и первый же залп накрыл их ряды, сея панику и смерть. Впрочем, на триста шагов даже бронебойные стрелы не берут ламеллярную защиту, а отборные воины сельджуков к тому же умело прикрываются щитами. Так что их потери от первого залпа были не очень значительными.

Между тем рабская пехота живо разбежалась в стороны, образуя для всадников широкий коридор в собственном строю. А вот сражающиеся в первых рядах с яростным кличем удвоили напор, силясь теперь не пробиться к стратиотам, а повредить их копья! Кто-то догадался бросать трупы соратников на стальные наконечники, а после прижимать их к земле и вдвоем-втроем вырывать оружие из рук skutatov. Другие начали яростно рубить древки пик — в первую очередь на участке ожидаемого тарана тяжелой конницы.

— Лучники, бей!!!

Очередной залп стрел был значительно более эффективным, разом выбив несколько десятков всадников из атакующих порядков. Но, несмотря на потери, хасс-гулямы продолжили бег, пусть и темп их движения сбился из-за повергнутых наземь лошадей. Я заметил, что щиты большинства сельджуков имеют свежие отметины от рубящих ударов, а пиками на деле вооружены лишь несколько десятков всадников на самом острие клина.

Между тем менавиты прошли вперед через шеренги соратников. Опытные бойцы, они тут же атаковали пешцев противника, покинув строй и умело орудуя не очень длинными копьями в ближнем бою.

— Менавиты, назад, на колено! Бердышники, в копье! Крылья, передавайте пики в середину!

Мои команды по возможности дублируют горнисты, повторяют по цепочке десятники и простые воины. Отбросив врага, воины исконно первого ряда фаланги встали на колени, оперев менавлы в землю. Бойцы же четвер-

той шеренги положили алебарды на плечи соратников, нацелив копейные острия навстречу всадникам. Передают воины с флангов целые пики товарищам в центр, но уже считанные метры разделяют стратиотов и разогнавшихся хасс-гулямов...

— Лучники, бей!!!

Третий залп в упор накрыл острие турецкого клина, выкосил целый ряд воинов левого крыла — с той стороны всадники не защищены щитами. Но лучники в этот раз стреляли по настильной траектории, прямо над головами копейщиков, и поток оперенной смерти накрыл именно наездников, практически не зацепив лошадей.

— Аллагу акбар!!!

Воинственный клич мусульман, исторгнутый сотнями глоток, практически разом потонул в отчаянном ржании напоровшихся на менавлы и контарионы лошадей, в гулком треске копейных древков. Но павшие животные первых рядов несли уже мертвых, утыканных стрелами наездников, и, рухнув перед строем skutатов, а где и на моих воинов, они же лишили их оружия. Между тем, разогнавшиеся хасс-гулямы продолжили стремительное движение благодаря напору всадников из середины и хвоста клина. Выжившие сельджуки на скорости врубались в ряды фаланги, коля пещцев длинными пиками, рубя их саблями, круша черепа воев булавами. Инерции их тарана хватило, чтобы стоптать менавликов и в считанные секунды пробить коридор в первых трех шеренгах. А слабо защищенные ратники четвертой и пятой, вооруженные чересчур длинными, неудобными в ближнем бою пиками, стали легкой добычей для неистовых воинов Востока, лучших из лучших...

— Лучники, бей!!! Пещцы, развернитесь лицом к врагу!

Очередной залп стрелков вновь выбил первые ряды мусульман, но их место тут же заняли напирающие сзади рабы. Уже практически весь клин хасс-гулямов, сократившийся едва ли не вдвое, вонзился в середину фаланги, развалив ее надвое. Попытки ратников атаковать врага

сбоку не принесли особых результатов, ведь теперь в бою участвуют лишь воины ближних к противнику рядов. Они не ощущают поддержки со спины и не могут использовать преимущества пятирядного строя копейщиков, а в индивидуальных схватках уступают гулямам.

Между тем клин бронированных, тяжелых конников дотянулся до лучников, и те, вооруженные лишь топорами, стали разбегаться. Вскоре хасс-гулямы прорвались в тыл, окончательно разорвав строй моих воев на две части. Вслед за конницей сельджуков в прорыв устремилась пехота рабов, и над местом схватки вновь раздался оглушительный, ледящий кровь клич:

— Аллагу акбар!!!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

*Декабрь 1068 г. от Рождества Христова
Грузия, Джавахети. Долина реки Куры*

— Развернуть строй! Разворачивайтесь!!!

Подобный маневр мои воины никогда не отработывали. После успеха в сражении с касогами я верил в свою фалангу и не представлял, что таран конницы способен прорвать ее ряды. Теоретически развернуть строй все еще возможно. По крайней мере, в детстве я читал о том, как греки сумели разбить персов при Марафоне даже после того, как удар конницы развалил их фалангу надвое. Вот только на практике получается не очень...

— Заворачивай правое крыло! Отступайте на правом крыле! Левое, на месте!!!

Горнисты, как могут, дублируют мои команды. Но если для половины войска, прижатого к скалам, мои приказы выполнимы, то отрезанные от нас вои, выполняя этот маневр, гарантированно обрекут себя на гибель. Причем непонятно, есть ли с той стороны кто-то из тысяцких, способных взять управление ратью в свои руки. Отсюда не видно — десятники и сотники, как правило, занимают позицию справа от своих людей, а вот старшие офицеры держатся примерно посередине строя. То есть там, где был прорыв!

Ругательство само по себе сорвалось с губ, когда в разрыв шеренг, образовавшийся при попытке правого крыла начать разворот, с диким криком ворвался клин пешцевгулямов. Последние, явно уступая моим воинам в схватке

на копьях, однозначно выигрывают в ближнем бою, умело рубясь кривыми клинками. Они уже заполонили прорыв плотной массой, в то время как всадники зашли к нам в тыл. Привлеченные звуком боевого рога, они прекратили истреблять стрелков и теперь спешно строятся клином шагов за сто позади фаланги.

— Лучники, отступить в середину строя! Пятый и шестой ряд, разворот!!! Склонить копья!

Над полем боя вновь раздался утробный рев восточного рога, и хасс-гулямы сорвались на стремительный бег. Ошарашенные переломом в битве греки бестолково пытаются сбить строй, выставив перед собой длинные копья, а едва успевшие отступить лучники вразнобой стреляют по клину всадников. И все это происходит под истошные крики командиров, вносящих особую нотку в воцарившийся хаос... Но пыл элитных бойцов сельджуков, которых, к слову, осталось явно меньше половины, остудили и эти приготовления. Шагов за пятьдесят их клин на скаку сворачивает вправо и устремляется к отрезанной от меня половине фаланги.

— Аллагу акбар!!!

Мусульманский боевой клич сорвался с уст всадников перед самым столкновением, и тут же ему вторит дикий, звериный рев боли и ужаса, исторгнутый сотнями людей. На моих глазах хасс-гулямы на скаку ворвались в ряды греков — пусть их и загородили рабы, но конники-то вышшаются над пехотой — и буквально сразу разрубили фалангу ряда так до третьего. Похоже, мой приказ развернуться задним шеренгам они не исполнили... Бронированный клин врага замер на позиции алебардщиков, но через две-три минуты продолжил движение вперед, окончательно прорвав строй воев, прижатых к реке.

Это наш шанс.

— Отступаем! Под счет десятников отступаем! Развернуть копья к врагу! Менавлиты, на правое крыло!!! Лучники, отступить назад! Стрелять по готовности!!!

ГЛОССАРИЙ

¹ **Д ж а в а х е т и** — историческая область на юге Грузии, в верховьях реки Куры.

² **С е в а с т** — византийский титул, аналогичный древнеримскому «августу», изначально являлся одним из императорских титулов. В описываемые времена звание «севаст» присваивалось высшей знати как знак благоволения базилевсов, Баграт Четвертый был одним из первых, кто его получил. До «севаста» византийцы присваивали ему также титулы куропалата и нобилиссима.

³ **А г а р я н е** — в данном случае речь об одном из используемых грузинами и византийцами прозваний турков-сельджуков. Но в целом агаряне нередко отождествлялись христианами как враждебный народ, пришедший с востока покарать людей за их грехи. Так, агарянами называли и татаро-монголов Батыея.

⁴ **А х а л к а л а к и** (переводится с грузинского как «новый город») — в описываемое время город-крепость, построенная Багратом на господствующей высоте в междуречье Паравани и Киркхбулаки (названия современные). В реальной истории азнаури Джавахети укрепились в городе и три дня отражали штурмы сельджуков, но в итоге крепость пала из-за незавершенности отдельных участков стены.

⁵ П а р д у с — так на Руси именовали снежных барсов и леопардов.

⁶ Т а о, или Т а о - К л а р д ж е т и — историческая область на юго-западе Грузии, именуемая также Картвельское царство. В описываемое время примыкала к границам Византии и являлась одним из политических и культурных центров новообразованного грузинского государства.

⁷ К а р т л и, или Ш и д о - К а р т л и — историческая область на востоке Грузии, граничила с царством аланов.

⁸ К а р т л и с ц х о в р е б а — сборник грузинских летописей.

⁹ В а р и н ы — самое западное племя полабских славян, входящее в союз ободритов; местом его обитания был полуостров Вагрия. В 1138 — 1139 гг. варины завоеваны саксами, после чего полностью онемечены. В описываемое время князь варинов Круто был лидером союза ободритов, также именуемого Вендской державой.

¹⁰ С т а р и г а р д, С т а р ы й г о р о д — столица варинов. Современный Ольденбург-ин-Хольштайн в Германии.

¹¹ К а р л В е л и к и й, величайший король франкской державы (и будущий император Запада), с 772 по 804 г. вел кровопролитную войну с саксами, пытаясь их покорить. Саксы хоть и терпели поражения в крупных битвах, но, как только их землю покидало войско Карла, тут же восставали, уничтожая франкские гарнизоны. Чтобы завершить покорение буйного и строптивого племени, Карл вступил в союз с давним врагом саксов, ободритами. И князь Дражко, правитель последних, разгромил нордальбингов (северных саксов) в битве на Свентане в 798 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	29
Часть вторая	82
Часть третья	158
Часть четвертая	214
<i>Эпилог</i>	266
Г л о с с а р и й	273